

Елена Касьян

«А каждый звук – псалом и заклинанье...»

* * *

Увези меня, моя радость, к большой воде,
где сидеть у кромки, почти становясь водой.
где ни прошлых бед, ни обид горючих, ни глупых дел,
где с тобой и только,
с тобой и только,
с тобой...
Где и память канет, и время медлит, и тает боль,
где любовь везде.

Забери меня, моя радость, из этих мест,
тут такая осень, что стынет зрачок в глазу,
все дожди стекают на этот город с холста небес,
и сентябрь рисуют,
закат рисуют,
грозу...
И в изломах линий уже ни солнца вверху-внизу,
и печаль окрест.

Увези меня, моя радость, к большой волне,
где тугие чайки над белой пеной висят.
где качает время мои тревоги на самом дне,
где я буду вся тебе,
буду вся тебе,
буду вся...
Где на самом дне жемчуга ловить никому нельзя.
Только мне.

* * *

Какие штормы застыт белый свет,
какие смерчи свищут во вселенной,
душа моя, неважно, сколько лет
нам плыть и плыть по этой глади пенной,
стоять на вырост, вглядываясь вдаль,
среди теней угадывая кровных,
понять, что в целом ничего не жаль,
поскольку даже сам себе не ровня.
Поскольку здесь на царство не взойти,
не обойти знаменья и предтечи,
но, Боже правый, посреди пути
вдруг различить родное, человечье,
тебе навстречу полное любви,
что только чудом и сумело сбыться.
И вот, покуда светится, живи,
покуда длится...

* * *

И вот уже
захвачены врасплох,
и нас внезапно покидает время,
где мы опять становимся не теми,
кем кажемся себе,
но, видит Бог,
в попытке вычесть знаки препинанья,
мы сочиним
такой молитвослов,
в котором всё – равняется любовь,
а каждый звук – псалом и заклинанье.
И в нашем небе
повисает птица,
где время нас покинуло опять,
и мы молчим,
не зная, как начать.
И только птица в небе длится, длится...

* * *

Город метнется навстречу тебе вдоль дождя –
запахом мокрой коры, штукатурки, озона...
Собственно говоря, никакого резона
все это помнить и прятать в карман, уходя.

Время легко избавляет от всех полумер.
Если на самом-то деле ничем не владеешь,
глупо присваивать, что и помыслить не смеешь.
Так говорят о последней любви, например.

Что же касается памяти... видимо, не
в ней уже дело, поскольку и даты исчезли.
Значит, действительно что-то меняется, если
внутренний голос становится слышен вовне.

Там, где уже бесполезно склонять падежи,
столько изнанки у слов, что немеешь неволью.
Осень осалит неслышно, обнимет не больно.
Господи, что с этой нежностью делать, скажи?

Город глядится в окно. Изнутри на него
смотрят стенные часы с молчаливым укором,
словно пытаясь отсчитывать время, в котором,
кроме бессмертия, нет ничего, ничего...

* * *

Оттого ли двигаться по краю,
Что других ориентиров нет?
Я сама пока не понимаю,
Как мы помещаемся во мне.

Отчеркнуть касания и жесты,
Упразднить объятия, и тогда –
Что такого ты увидишь вместо
Этой дани разным городам?

Нам ли, дерзким, до сих пор горящим,
Откровенья считывать с листа,
Чтобы этот звук животворящий
Отворил упрямые уста?

В ожидании вселенской стужи,
Как на этот атлас ни смотри,
Даже если выбраться наружу,
Все равно останешься внутри.

Где дороги неисповедимы,
Не солги, не выдай, не убей.
Что ты знаешь обо мне, помимо
Неизбывной нежности к тебе?..

Так и жить – угадывать заранее,
Изменяя линии руки,
Узнавая даже очертания,
Совпадая даже вопреки...

* * *

Время месит белый свет в аккуратные просфоры,
В белых капсулах квартир спит людское вещество,
Осень смотрит на меня, не готова к разговору,
И хотела бы сказать, да не скажет ничего.

Бесполезно выбирать, если сам себе свидетель,
У молчания в долгу оставаться если бы...
Среди всех возможных форм пребывания на свете
Остается только быть, остается только быть.

Оставляя между строк карандашные пометки,
В монохромный этот мир глупым цветом прорастать
И качаться, словно лист на запястье голой ветки,
И о будущей зиме ничего еще не знать.

Львов